

В. Б. УШАКОВ

КРАХ ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ И УСТАНОВЛЕНИЕ ФАШИСТСКОЙ ДИКТАТУРЫ В ГЕРМАНИИ В ИЗОБРАЖЕНИИ ЗАПАДНОГЕРМАНСКОЙ БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Крах Веймарской республики и вопросы, связанные с установлением в Германии гитлеровского режима, не могут не привлекать к себе и в наши дни внимания историков. Подлинно научное исследование этих вопросов, основанное на тщательном, всестороннем и прежде всего классовом анализе социально-экономических явлений, отвечает задачам борьбы народов против возрождения в Западной Германии агрессивных и реваншистских сил германского империализма.

Историческая наука в Германской Демократической Республике дала немало ценных работ, освещающих с подлинно научных, марксистско-ленинских позиций историю Германии начала 30-х годов. Помимо произведений В. Пика и В. Ульбрихта¹, такими работами являются книги А. Нордена, Г. Матерна, Ю. Кучинского и других авторов, а также ряд статей, опубликованных за последние годы в журнале «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft» Ф. Клейном, А. Шрайнером, Д. Зборальским и другими.

В современной западногерманской историографии вопросы, связанные с крахом Веймарской республики и установлением фашистской диктатуры, также занимают видное место. Но подход западногерманских буржуазных историков к решению этих вопросов, выводы, которые они делают, в подавляющем большинстве случаев не могут быть признаны научными. Они призваны скрыть подлинные причины и подлинных виновников фашизации Германии. Попытаемся показать это, рассматривая концепции западногерманских историков по основным вопросам интересующей нас темы.

* * *

В 1955 г. в ФРГ вышла из печати крупная специальная работа, посвященная краху Веймарской республики. Ее автор — профессор западноберлинского института политических наук К. Д. Брахер представляет дело так, будто приход фашистов к власти был не результатом экономического и политического развития германского империализма в течение всего периода существования Веймарской республики, а обуславливался стечением ряда обстоятельств, причем для автора равнозначны и действительно важные, и ничтожные по своему удельному весу факторы. Анализируя причины, вызвавшие победу фашизма в Германии, Брахер пишет: «При этом действовали следующие силы: ближайшее окружение Гинденбурга, натиск групп, имевших экономические интересы, колебания Немецкой национальной народной партии, последние отчаянные усилия нацистского руководства, оптимистические, но ложные расчеты Шлейхера и — оскорбленное честолюбие Папена»².

¹ См. W. Pieck. Reden und Aufsätze, Bd. I: Auswahl aus den Jahren 1908—1950. Berlin, 1950; Bd. IV: Parlamentsreden. Auswahl aus den Jahren 1906—1933. Berlin, 1955; W. Ulbricht. Der faschistische deutsche Imperialismus (1933—1945). Berlin, Dietz 1952; его же. Zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Aus Reden und Aufsätzen, Bd. I. Berlin, Dietz, 1953.

² К. Д. Брахер. Die Auflösung der Weimarer Republik. Eine Studie zum Problem des Machtverfalls in der Demokratie. Stuttgart — Düsseldorf, 1955, S. 686.

Брахер совершенно игнорирует классовую природу фашизма. Тщетно было бы искать в его книге выяснения роли германской буржуазии в возвышении фашизма. Брахер по сути дела ничего не говорит о связях германской буржуазии с гитлеровцами.

Но как быть в этом случае с фактами, настолько общеизвестными, что замолчать их нельзя, фактами, недвусмысленно говорящими о подготовке представителями крупной германской буржуазии прихода гитлеровцев к власти?

Таким фактом является, например, создание в конце 1931 г. — с благословения крупного капитала и при непосредственном участии его представителей — так называемого Гарцбургского фронта. Брахер признает факт консолидации сил германской реакции, но он отрицает, что целью блока был захват власти и установление террористической диктатуры германских монополий. Брахер стремится ограничить цели Гарцбургского фронта борьбой против находившегося тогда у власти правительства Брюнинга³, утверждает, что реакционеры не имели никакого плана действий, пытается сузить круг участников Гарцбургского фронта, относя к ним лишь «отдельных» представителей юнкерства, «некоторых» промышленников, «антиреспубликанские элементы» рейхсвера и т. д.

Брахер упоминает об известном обращении (в ноябре 1932 г.) группы крупных германских промышленников к Гинденбургу с требованием о передаче власти в стране в руки Гитлера, но отрицает какую бы то ни было роль этого обращения в политической борьбе⁴. На деле требование, исходившее от ряда виднейших представителей монополистического капитала, самым существенным образом повлияло на ход событий⁵.

Концепция Брахера не лишена противоречивости; в его книге мы находим и отдельные правильные положения, и некоторые ценные материалы. Но реакционность концепции Брахера обусловлена уже тем, что он с порога отвергает историческую ответственность германской буржуазии за установление гитлеровского режима. Во введении к своей книге Брахер особо оговаривает, что он «отбрасывает в сторону вопрос об ответственности и вине». Неудивительно, что Брахер ополчается на немецких демократических историков, доказывающих на основании неопровержимых фактов, что фашизм был диктатурой крупной буржуазии и юнкерства⁶.

Подобно Брахеру, авторы ряда работ по новейшей истории Германии, вышедших за последние годы в ФРГ, игнорируют классовую природу фашизма, отрицают сговор германских монополий с гитлеровцами. Характерно в этой связи то, как западногерманские историки освещают состоявшуюся в начале января 1933 г. в Кёльне встречу Гитлера с группой германских промышленников, организованную банкиром Шредером и в значительной степени предопределившую передачу власти в руки гитлеровцев.

Х. Левенштейн, почитаемый в кругах западногерманских реакционеров в качестве одного из «духовных вождей Европы», в своей книге «Германская история. Путь империи на протяжении двух тысячелетий» усматривает в кёльской встрече частный малозначачий эпизод. Если верить Левенштейну, Гитлера и его кёльнских собеседников объединяла лишь общая неприязнь к тогдашнему рейхсканцлеру Шлейхеру⁷.

В этом же духе высказывается об этом событии Эрвин Викерт в книге «Драматические дни империи Гитлера»⁸, а также Карл Миш, который вопреки обще-

³ Небезынтересно, что на этой же точке зрения стоит и военный преступник Яльмар Шахт. В своей последней книге он пишет, что Гарцбургское совещание было направлено якобы лишь против правительства Брюнинга, что оно якобы было не «фронтом», а «простой встречей» и т. д. — H. S c h a c h t. 76 Jahre meines Lebens. Bad Wörishofen, 1953. S. 366—367.

⁴ K. D. B r a c h e r. Die Auflösung..., S. 409—410.

⁵ Тезис о несущественности обращения крупных промышленников к Гинденбургу опровергается на основе архивных материалов в работах немецких демократических историков. См., например, — «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1955, № 6, S. 934—939; 1956, № 2, S. 366—369.

⁶ K. D. B r a c h e r. Die Auflösung..., S. 334.

⁷ Hubertus Prinz zu Löwenstein. Deutsche Geschichte. Der Weg des Reiches in zwei Jahrtausenden. Frankfurt a/M, 1954, S. 513—514.

⁸ E. W i c k e r t. Dramatische Tage in Hitlers Reich. Stuttgart, 1952, S. 18—24.

известным фактам утверждает, что в Кёльне Гитлер ни о чем не договорился с промышленниками⁹.

Поистине титанические усилия преуменьшить роль германских монополистов в установлении фашистской диктатуры предпринимает Г. Халльгартен в своей книге «Гитлер, рейхсвер и промышленность», изданной в ФРГ. Халльгартен заявляет, что гитлеровцев поддерживали лишь отдельные представители крупного капитала, являвшиеся якобы исключением из правила¹⁰. Не ограничиваясь этим фальсификаторским тезисом, Халльгартен пытается вообще воспрепятствовать дальнейшему исследованию вопроса о связях германских монополий с гитлеровцами; он утверждает, что научная разработка данного вопроса невозможна якобы потому, что соответствующие документы сгорели в 1945 г. в пресловутом «Коричневом доме» в Мюнхене.

Это, конечно, попытка с негодными средствами. Кроме материалов, по той или иной причине утерянных, существует немалое количество документов, позволяющих убедительно опровергнуть любые утверждения о «непричастности» германских монополий к установлению фашистской диктатуры. Эти документы свидетельствуют о том, что крупный капитал вступил в сговор с гитлеровцами не в январе 1933 г., а исподволь, в течение ряда лет готовил передачу им власти.

Работы западногерманских историков не дают никакого представления о постепенной фашизации всей политической жизни Германии в конце 20-х — начале 30-х годов, о планомерной, систематической поддержке гитлеровской партии со стороны представителей крупной промышленности. Подобная трактовка предьстории установления фашистской диктатуры безусловно отвечает интересам политических кругов, находящихся у власти в Западной Германии. Но она грубо нарушает историческую правду.

Весьма характерен для концепции буржуазных историков, подвизающихся в ФРГ, их подход к освещению вопроса об участии германского генералитета в рассматриваемых событиях. Известно, что командование рейхсвера сыграло серьезнейшую роль не только в милитаризации, но и в фашизации Германии. Рейхсвер был одним из важных средств обеспечения классового господства германской буржуазии в период перехода к открыто террористическим методам диктатуры финансового капитала и юнкерства¹¹.

Авторы трудов по новейшей истории Германии, вышедших за последние годы в Западной Германии, усердно фальсифицируют роль рейхсвера в подготовке и установлении гитлеровской диктатуры. Так, например, известный западногерманский историк В. Гёрлиц в своей книге о Гинденбурге делает попытку изолировать рейхсвер от гитлеровцев; он утверждает, что рейхсвер был воспитан Сектом в духе строгой беспартийности и якобы сохранял этот дух даже в моменты крайнего обострения политической борьбы¹².

Не ограничиваясь этим, Брахер представляет рейхсвер в качестве некоего «демократического учреждения», якобы оказывавшего даже «сопротивление» усилению нацистского влияния¹³.

Некоторые западногерманские историки, понимая полную неправдоподобность такого рода утверждений, пытаются занять в этом вопросе промежуточную позицию. Они заявляют, что рейхсвер стал поддерживать гитлеровцев лишь «в самый последний» момент перед приходом их к власти, когда «ничего другого не оставалось». Такую позицию, в частности, пробует защищать К. Миш¹⁴.

Обе эти «концепции», кстати сказать, весьма мало отличающиеся друг от друга, оставляют вне поля зрения классовую природу германского милитаризма и расчи-

⁹ C. Misch. Deutsche Geschichte im Zeitalter der Massen von der Französischen Revolution bis zur Gegenwart. Stuttgart, 1952, S. 383.

¹⁰ G. W. F. Hallgarten. Hitler, Reichswehr und Industrie. Zur Geschichte der Jahre 1918—1933. Frankfurt a/M, 1955, S. 91, 116—118.

¹¹ Подробнее о роли рейхсвера в установлении фашистской диктатуры в Германии см. статью немецкого демократического историка Д. Зборальского.— «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1955, № 6, S. 934—939.

¹² W. Görlich. Hindenburg. Ein Lebensbild. Bonn, 1953, S. 408.

¹³ K. D. Bracher. Die Auflösung..., S. 712—714.

¹⁴ C. Misch. Deutsche Geschichte..., S. 374.

таны на то, чтобы при помощи фальшивого тезиса о «беспартийности» рейхсвера доказать непричастность германской военщины к установлению гитлеровской диктатуры. Делается это с весьма прозрачной целью — повысить акции создаваемого ныне в ФРГ бундсвера, связанного, как известно, многими видимыми и невидимыми нитями со своим предшественником — веймарским рейхсвером.

Авторы «научных» изысканий в области новейшей истории Германии, выходящих в ФРГ, и в данном случае служат реакционным политическим целям правящих кругов Западной Германии.

* * *

Чем же западногерманские буржуазные историки объясняют установление фашистской диктатуры в Германии?

Не рассматривая классовую сторону вопроса, не показывая те общественные силы, которые стояли за гитлеровцами, западногерманские буржуазные историки видят причины зловещих событий начала 30-х годов в Германии в тех или иных мерах политических деятелей. Так, зарождение, успехи и неудачи фашизма они объясняют исключительно теми или иными личными свойствами и действиями Гитлера. Г. Халльгартен называет фашизм «движением Гитлера» и считает последнего «исключительно сильной личностью»¹⁵. К. Миш, которого его издатели рекомендуют как исследователя, «ищущего экономические и социальные корни исторических явлений», изображает кризис Веймарской республики как историю личной борьбы между Гитлером и Папеном, Гитлером и Шлейхером, Гитлером и Гинденбургом. Примерно по такому же пути идет и Виккерт. Предпринимая попытку проанализировать причины краха Веймарской республики, он приходит к выводу о том, что «ключ ко всему, вероятно, надо искать в личностях... Дело представляется так, что Папен добивался реванша в отношении нового рейхсканцлера Шлейхера»¹⁶.

Главным образом кознями Папена объясняет приход Гитлера к власти и Эрих Эйк в своем обширном труде по истории Веймарской республики. Эйк пишет: «Тогда (с июня по ноябрь 1932 г.— В. У.) Папен сидел в кресле рейхсканцлера и не желал ни в коем случае покинуть его. Теперь (в начале 1933 г.— В. У.) он стоял за дверью и вновь хотел войти. Для этого ему был нужен Гитлер»¹⁷. Может быть, личные устремления Папена и были таковы, но все дело заключалось в том, что Гитлер нужен был не только и не столько Папену, а германскому монополистическому капиталу. Эйк не видит за фигурой Папена тех классовых и политических сил, которые направляли его деятельность. Скользя по поверхности явлений, он усматривает в крахе Веймарской республики лишь интриги тех или иных лиц. Социально-экономические процессы, происходившие в Германии периода экономического кризиса 1929—1933 гг., изменения в соотношении классовых сил, влияние монополистов США и Англии на ход событий — все это остается для Эйка книгой за семью печатями.

Усердствуя в доказательстве «решающей роли» отдельных буржуазных политических деятелей Веймарской республики, некоторые историки ФРГ договариваются до абсурда. Так, Х. Левенштейн в своей книге о Штресемане пишет: «Если бы Штресеман стал президентом (вместо Гинденбурга.— В. У.), то Гитлер никогда бы не стал канцлером, все притязания Германии на исторические границы были бы разрешены мирным путем»¹⁸. Подобное гадание на кофейной гуще не имеет, естественно, ничего общего с наукой.

Концепция западногерманских историков о роли личности переплетается с не менее антинаучной концепцией о роли «случая» в крахе Веймарской республики и установлении фашистской диктатуры в Германии. Х. Левенштейн пишет, напри-

¹⁵ G. W. F. Hallgarten. Hitler, Reichswehr..., S. 113.

¹⁶ E. Wickert. Dramatische Tage..., S. 24.

¹⁷ E. Eyck. Geschichte der Weimarer Republik, Bd. II: Von der Konferenz von Locarno bis zu Hitlers Machtübernahme. Erlenbach — Zürich — Stuttgart, 1956. S. 571.

¹⁸ Hubertus Prinz zu Löwenstein. Stresemann. Das deutsche Schicksal im Spiegel seines Lebens. Frankfurt a/M., 1952, S. 333.

мер, что лишь «ошибка» одного лица — Шлейхера, не отменившего чрезвычайного декрета Папена от 20 июля 1932 г. о смещении прусского правительства, привела к краху усилий «спасти страну от нацизма» и, следовательно, создала для Гитлера возможность прийти к власти¹⁹. Миш говорит о хорошем урожае в Германии в 1932 г. как о причине краха сельскохозяйственной политики рейхсканцлера Шлейхера и падения его кабинета и, в конечном итоге, как одной из причин установления гитлеровской диктатуры²⁰.

Стремление реабилитировать те общественные силы — крупную буржуазию и юнкерство, — которые породили гитлеризм и призвали его к власти, находит свое выражение в работах западногерманских историков и в том, как они трактуют вопрос о характере самой передачи государственной власти в руки фашистов. Если обратиться, например, к книге Х. Левенштейна, то мы без труда обнаружим на многих ее страницах версию о приходе Гитлера к власти «законным» путем, через парламентские выборы. Подобно Левенштейну, и Карл Миш изображает избирательные успехи гитлеровцев как причину их прихода к власти. О том, что эти выборы были фальсифицированными, что их результаты подтасовывались согласно воле покровителей гитлеровской партии, — об этом Миш умалчивает.

Версию о «вполне легальном» приходе Гитлера к власти можно встретить также в книгах Мау и Краузника, Гёрлица. «Назначение Гитлера на пост германского канцлера 30 января 1933 г., — утверждают Мау и Краузник, — произошло точно по форме, которая предписывалась в этом отношении действующей конституцией»²¹. Вальтер Гёрлиц пишет, что гитлеровское правительство было якобы «призвано президентом Германии легальным образом»²².

Нет особой нужды, на наш взгляд, говорить о том, что эти и все подобные ему утверждения являются грубой фальсификацией истории. На деле установление фашистской диктатуры произошло против воли подавляющего большинства германских избирателей и было достигнуто лишь посредством самого неприкрытого нарушения буржуазной законности.

Значительное место в объяснениях западногерманскими историками причин прихода фашистов к власти занимает идеалистическая и реакционная теория мнимого «вакуума» в государственной власти в Германии в конце 1932 — начале 1933 г. Суть этой «теории» состоит в том, что приход фашистов к власти якобы представлял собой единственную реальную возможность возвращения Германии на путь государственного существования в условиях «парламентского разброда» и «слабости» правительств. Говорить всерьез о каком-либо «вакууме» власти не приходится, так как классовое господство помещиков и капиталистов в Германии сохранялось в конце 1932 — начале 1933 г. в полном объеме. Тем не менее Брахер и Миш пытаются использовать эту версию для оправдания тезиса о «фатальной неизбежности» фашистского пути для Германии. Так, Брахер утверждает: «30 января 1933 г. означало ликвидацию вакуума парламентской власти и было неизбежным выходом республики из чрезвычайного положения, так как ни ее глава, ни рейхсвер, ни демократические партии не видели больше другой возможной альтернативы в отношении эксперимента Гитлера»²³.

Мау и Краузник идут еще дальше и рассматривают всю Веймарскую республику как некий «вакуум», как «временное явление». Они пишут: «В конце концов, готовность покончить с веймарским временным явлением, которая отчасти тайно вынашивалась, отчасти открыто провозглашалась, объединила, вопреки всем разногласиям, президента, рейхсвер и «национальную оппозицию» (здесь имеется в виду фашизм. — В. У.) и сделала возможным назначение Гитлера на пост рейхсканцлера»²⁴.

Таковы основные концепции западногерманских буржуазных историков по интересующему нас вопросу.

¹⁹ Hubertus Prinz zu Löwenstein. Deutsche Geschichte..., S. 514.

²⁰ C. Misch. Deutsche Geschichte..., S. 382.

²¹ H. Mau, H. Krausnick. Deutsche Geschichte der jüngsten Vergangenheit. 1933—1945. Tübingen — Stuttgart, 1956, S. 15.

²² W. Görlich. Hindenburg, S. 405—406.

²³ K. D. Bracher. Die Auflösung..., S. 724.

²⁴ H. Mau, H. Krausnick. Deutsche Geschichte..., S. 14—15.

Нельзя не согласиться с Брахером, который во введении к своей книге пишет: «Судьбы и опыт Веймарской республики существенным образом определяют лицо, структуру и тенденции послевоенной политики Германии... Ликвидация Веймарской республики национал-социализмом является исторической проблемой... которая оказывает влияние на нашу современную политическую жизнь (имеется в виду ФРГ.— В. У.) и нуждается в тщательном анализе». Но историки ФРГ не дают научного объяснения подлинных причин краха Веймарской республики и установления фашистской диктатуры в Германии. Неспособность их анализировать исторические события с точки зрения социально-экономических, классовых закономерностей, а также нежелание хотя бы в какой-то степени задеть господствующие и ныне в Западной Германии силы сказываются отрицательнейшим образом на исследованиях этих историков.

Вышедшие в свет за последние годы книги Западногерманских историков, по видимому, призваны дать некое «теоретическое» обоснование и подкрепление опубликованным в ФРГ разнообразным мемуарам реакционных политических деятелей Веймарской республики, изо всех сил стремящихся реабилитировать себя и своих хозяев²⁵. Цели у авторов этих мемуаров и у авторов исследований, о которых шла речь выше,— одни.

Большой частью крупные по объему эти исследования зачастую содержат еще неизвестные, почерпнутые из архивных источников материалы, которые в некоторой части могли бы быть использованы при научной разработке важных проблем новейшей истории Германии. Но, находясь в фарватере господствующей в Западной Германии реакционной буржуазной идеологии, авторы рассмотренных работ фальсифицируют эти материалы, подчиняют свои исследования классовым интересам буржуазии и выступают против исторической правды.

Нет сомнения, что восстановление этой правды и критика реакционных воззрений, распространяемых ныне в Западной Германии с целью апологии германского империализма, соответствуют насущным потребностям исторической науки. Действительно объективный, всесторонний и тщательный, с научной точки зрения, анализ политики германской крупной буржуазии, приведшей к установлению фашистской диктатуры, а впоследствии и ко второй мировой войне, развязанной германскими империалистами, не только обогатит историческую науку, но и внесет существенный вклад в дело мира и прогресса.

²⁵ F. von Papen. Der Wahrheit eine Gasse. München, 1952; H. Schacht. 76 Jahre meines Lebens.— и другие.

